

УДК 316.7

Политический цикл власти: от легитимности до ненависти (на примере «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина)

Скиперских Александр Владимирович

Доктор политических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Институт права и экономики,
398002, Россия, Липецк, ул. Гагарина, 35А;
e-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация

В данной статье проводится параллель между легитимностью власти и её материальным капиталом. По мнению автора, доверие к власти как раз и базируется на способности власти аккумулировать блага с целью их последующего распределения.

С другой стороны, чрезмерная концентрация капитала у правящей элиты грозит утратой легитимности, потому как смещается материальный баланс. Всё это лишний раз актуализирует вопрос меры, необходимого и достаточного. По мнению автора, убедительные примеры зависимости легитимности и меры содержатся в «Сказке о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, с текстом которой автор периодически проводит параллели.

Ключевые слова

Власть, государство, делегитимация, дискурс, легитимация, легитимность, текст, элита.

Введение

Бытие власти циклично. Политическое время, связывающееся с осуществлением власти конкретной элитой, заключено в специфическом континууме, отмечающемся от её общественного признания и заканчивая делегитимацией. Подобные законы бытия власти характерны не только для реальных политических процессов. Обусловленность власти

чекском континууме, отмечающемся от её общественного признания и заканчивая делегитимацией. Подобные законы бытия власти характерны не только для реальных политических процессов. Обусловленность власти

темпоральными циклами может быть рассмотрена и на примере сказочных текстов, в которых суггестируется реальная политика. В качестве примера нами будет взята «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, где мы рассмотрим, каким образом власть, нуждающаяся в утверждении и признании, справляется с возникающими на её пути вызовами. В целях собственной безопасности правящей элите приходится постоянно демонстрировать изобретательность для того, чтобы предохранить себя от делегитимационных вызовов. В этой связи, склонность власти к популизму, либо к каким-либо непопулярным мерам объясняется именно вопросами собственного утверждения.

Репрессия не всегда осуществляется одинаково тотально. Наряду с давлением на социальное тело могут наступать и периоды передышки. Подобное варьирование принуждением, так или иначе, отвечает главной задаче власти – контролю над социальным телом. Власть понимает, что объекту принуждения необходим отдых – она с удовольствием предоставляет это ему. В данной сказке именно старик оказывается основным эксплуатируемым, поэтому он не может обрести естественную смерть. Власть в силах осу-

ществлять контроль над жизнью/смертью индивида, что отчётливо заметно в данном сказочном тексте. Ж. Бодрийяр как-то заметил, что «смерть отнята у каждого члена общества, ему уже не дозволено умереть так, как хочется. Отныне он волен жить как можно дольше.. <...>... Это ещё важнее, чем эксплуатация рабочей силы. Это хорошо видно в случае стариков: их больше не эксплуатируют, им дают жить за счёт общества, их принуждают жить»¹.

Старика можно сравнить с бюрократом, с веберовской точностью и скрупулёзностью обеспечивающим право правящего класса на осуществление легитимного насилия, на политическое принуждение. Невольное сравнение старика с бюрократом – слугой системы, действительно, может иметь достаточную убедительность, ведь его работа «с давних времён осуществляется с ритуалистической педантичностью и безумным послушанием солдата»².

На стороне старика, как на стороне тех, которые осматривают на своём теле отметины господина, – «задавленность, робость, боязнь на-

1 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2009. – С. 290.

2 Исаев И.А. *Politica Hermetica*: скрытые аспекты власти. – М.: Юрист, 2003. – С. 565.

казания, бессильная злоба, тихая ненависть, угодничество»³. Вспомним, как старик жалуется рыбке на старуху, чем подтверждает собственную духовную слабость. Конфликт старика и старухи есть убедительная метафора классовой стратификации

Отсюда, вовсе не выглядит странным, что у старика не остаётся возможности осуществить бунт, разрушить цепь коммуникации. Старик напоминает робота, молчаливо исполняющего пожелания своего хозяина. Власть осведомлена о наличии у старика какой-то важной кнопки, нажимая на которую, педалируя её, удаётся достигать необходимых эффектов принуждения, а вместе с этим и собственного позиционирования. Единственное, что может рассматриваться как гипотетическое сопротивление со стороны старика – это ропот, выглядящий вполне объективно. Ропот как вздох, ропот как морщина, ропот как усталость металла.

Право на использование власти: легитимация насилия

Ситуация, которая рассматривается в сказочном тексте, не вписывается

в традиционные модели государства как института, призванного осуществлять легитимное насилие (М. Вебер), государства как великого Левиафана – смертного Бога (Т. Гоббс), государства как справедливого и благородного исполнителя обязательств «общественного договора» (Д. Локк). Ситуация скорее напоминает отношения, существующие между государством и индивидом в диктатурах. Государство узурпирует тело индивида, в определённых случаях заручаясь от индивида пониманием неких вынужденных мер по использованию насилия. В обмен индивиду предоставляются некоторые гарантии минимального благосостояния. В диктатурах большое внимание уделяется процессу экономического накопления, иначе за счёт чего будет содержаться репрессивный аппарат и поддерживаться состояние страха. Получая определённые преференции от власти, закрывающие сетку основных потребностей, гражданин (лучше выразиться, раб) определённым образом готов поддерживать/оправдывать существующий порядок. При этом диктатуры могут обладать популярностью, прежде всего, за счёт развитой системы информационного насилия. Именно здесь следует искать причины высокого доверия к ним.

³ Восленский М. Номенклатура. – М.: Захаров, 2005. – С. 28.

Д. Сайммонс считает, что легитимность государства заметно увеличивается в том случае, если она поддерживается именно такими людьми: «их выбор – выбор не глупый, государство – хорошая сделка»⁴.

Государство выступает неким вождельным объектом – архитектурным проектом, который пытаются выстроить нуждающиеся в репрезентации мифа о нём. И. Козлихин считает, что в случае существования некоторого консенсуса по поводу образа (государства) и его содержания есть смысл говорить о реализации проекта создания искусственного тела государства – «это единое лицо, обладающее властью над всеми, является искусственным телом, т.е. создаваемом людьми. Создание и сохранение этого искусственного тела, или искусственного человека, основывается на определённых правилах, соблюдение которых обязательно»⁵. Следуя логике И. Козлихина, старику не остаётся возможности совершить люфт – отказаться от исполнения команд старухи.

4 Simmons A.J. *Justification And Legitimacy. Essays On Rights And Obligations.* – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 126.

5 Козлихин И.Ю. *История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта.* – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 168.

Порядок бытия в политическом локусе условного государства сказки привязывает старика к обязательному исполнению команд власти, ибо в этом и проявляется обязательная функция правопослушного гражданина.

Необходимо отметить, что в сказочном тексте представляется ситуация, когда мы имеем в наличии именно легитимную власть. Со стороны старика не наблюдается попыток оспорить её дефиницию как легитимной, старик не готов бросит власти делегитимационный вызов. Складывается ощущение, что старик «связан с ним (государственным телом) вечным оброком, не в силах притязать и переосмыслить странную, таинственную данность»⁶. В любом случае, соглашаясь с дефиницией самой власти и доминирующего политического режима, индивид (общество) по умолчанию признаёт за ним право на использование насилия. Подобная трансмиссия власти существует во всех политических системах, более того, даже получается, что индивид определённым образом содержит аппарат насилия, финансируемый государством из налогов, взимаемых с самого индивида.

6 Скиперских А.В. *Дискурс политической власти в сказочном тексте: приглашение к медленному чтению.* – Елец: МУП Типография Ельца, 2011. – С. 146-147.

Легитимность власти в контексте развития

Легитимность власти старухи напрямую связывается с различными объективациями самой власти, будь то подавление старика, либо тотальное освоение физического пространства, его вертикальное видоизменение. Царство растёт вверх, но не вниз. Контроль над стихией воды, хотя входит в экспансионистские стратегии старухи, но всё-таки лишён реальных механизмов реализации. Кураж власти, его опьяняющий аромат способен вызвать к жизни самые смелые прожектёрские планы, носящие явный авантюрный характер. Таким образом, легитимность правящей элиты во многом ещё и зависит от того, насколько она способна выступать мудрым и расторопным преобразователем физического пространства. Вдумчивое, рациональное планирование способно обеспечить общественное доверие к собственным инициативам, и, наоборот, попытки притязать на какой-то иной порядок оборачиваются делегитимационными эффектами. У подобных экспансионистских планов довольно много отражений и в реальной политике. История показывает, что бытие власти, ограниченной

территориально, как правило, экономично и рационально. Данная политическая рачительность, наоборот, противостоит имперской иррациональности, когда оперирование большими территориальными объёмами и рост appetitов только ослабляет само государство и политическую систему. Кстати, наши выводы легко экстраполируются и на региональный уровень политики. Есть много примеров, когда межрегиональное неравенство, как раз и являющееся следствием смещения материального баланса, «влияет на уровень недовольства населения существующей властью, способствует росту протестных настроений»⁷.

В пушкинской сказке физическое преобразование политического пространства (к числу которого можно отнести и постепенное вырастание власти, её архитектурную метаморфозу) осуществляется с помощью молчаливых, усердных помощников – старика и золотой рыбки. Компромисс с ними едва ли возможен – развитие форм власти происходит только за счёт неустанного подавления их воли,

7 Черникова В.В. Проблема определения направлений и приоритетов государственной социальной политики на региональном уровне // Вестник ВГУ. Серия: История. Социология. Политология. – 2012. – № 1. – С. 188.

подчинения их сознания, неустанного давления на их тело. Подавление бывает дешевле торга/компромисса, поэтому власть старухи эволюционирует в формах, обладающих соответствующим материальным подтверждением.

Опора на материальные ценности как раз и позволяет власти развиваться. В случае их отсутствия власть уже не представляется совершенной и убедительной, что приводит к дефициту легитимности. В данном случае дефицит может быть преодолен с помощью консенсуса, а это означает, что с подчинённым уже придётся договариваться, а не подавлять его. Это может означать либерализацию политического дискурса, что способно обернуться для власти существенными временными и позиционными потерями. Вот почему в ряде подобных ситуаций власть склонна избирает репрессию в качестве наиболее эффективного средства контроля над объектом.

Отметим, что старик выполняет ещё и роль своеобразного посредника между старухой и рыбкой. В тексте нет упоминания о ситуациях, когда либо старуха, либо рыбка пытаются миновать старика как коммуникационное звено для того, чтобы договариваться напрямую. Возмож-

но, договороспособность старика как раз и выступает решающим фактором развития политического процесса и конкретных результатов. Политический цикл правящей элиты – легитимация прав старухи на контроль над политическим дискурсом и в данном смысле оказываются привязанными к физическому телу старика, к его челночному снованию от берега моря к центру власти и наоборот.

Старуха, достигнув власти и проникшись её удивительными возможностями, сразу начинает задавать предельно высокий темп преобразований. Действительно, амбиции власти растут по вертикали, стремительно преодолевая существующую иерархию. Устремления власти направлены на высшую точку власти, её предельную инстанцию – монарший трон. Достигнув критического предела, власть на некоторое время успокаивается. Но это равновесие более чем перманентно, потому как в этот момент происходит перегруппировка сил, коррекция целей, открываются новые перспективы. Но, так как легитимность власти в случае старухи начинает связываться с неустанным поиском новых форм и их архитектурных отражений (корыто – изба – дворец), то смена ритма означает наступление издержек для

власти, постепенное активирование ненависти, её сосредоточение и артикуляцию. В наступившей передышке как раз и происходит концентрация ненависти.

Новые формы, в которых отражается власть, – метаморфичны, и предполагают неустанный физический рост. Усиление власти и её репрессивных практик заставляют тело власти работать с большой нагрузкой, что и объясняет её выборы в пользу достаточно громоздких объектов – метафор. Власть нагружается капиталом, её масса значительно прирастает в ходе процесса политической легитимации. Энергетический потенциал власти целиком и полностью начинает вытесняться из объектов материального мира, контролируемого ею. Появление нового корыта придаёт уверенности старухе, создавая ей вполне комфортный психологический гандикап. Безусловно, рост благосостояния правящего класса не может не регистрироваться теми, кто выступает его фактическим добытчиком и гарантом. Постоянное повышение благосостояния правящего класса выступает ещё одной причиной артикулированной ненависти. Легитимация власти может происходить без какого-то чёткого представления о пропорци-

ях, что будет нарушать меру как таковую. Неслучайно, резкое обогащение правящего класса зачастую приводит социальным взрывам. В этом смысле, развитие самой власти, и совершенствование легитимационных процедур, вряд ли могут спасти саму власть от неминуемого разоблачения.

На наш взгляд, автор отнюдь не случайно не посвящает нас в подробности повседневного бытия власти. Текст сказки – текст команд и приказов и соответствующих рефлексий. Существование особого языка, на котором изъясняется власть и который является понятным для объекта власти, безусловно, свидетельствует о наличии ситуации политической коммуникации. Как отмечает И. Исаев, «власть формирует свои требования на особом, приемлемом для неё языке. Она обращается к подданным и управляющим, с неизбежностью склоняясь к выработке некоего единого и унифицированного порядка транслирования смыслов»⁸. Модель вопроса и ответа является наиболее оптимальной и чистой формулой бытия власти, выстроенных ею отношений с объектным полем. Власть состоит из принуждения

---

8 Исаев И.А. *Politica Hermetica: скрытые аспекты власти*. – М.: Юристъ, 2003. – С. 556.

и контроля – приобретаемый ею физический и духовный капитал максимально инвестируются в существующую концессию, для извлечения ещё больших дивидендов, а, стало быть, легитимности.

Кризис легитимности и её утрата

Продолжительность политического цикла правящей элиты зависит от того, насколько она удовлетворяет интересам большинства. Власть зависима от общественного мнения и любое смещение доверия к ней приводит в действие механизмы политической делегитимации. Выхолащивая материальные ресурсы, правящий актер создаёт опасную ситуацию материального дефицита, нарушая баланс терпимости.

Говоря о тексте анализируемой нами сказки, необходимо отметить, что каждая последующая просьба старухи, связанная с перспективами удовлетворения её права на повышение в статусе, автоматически означает увеличение давления на социальное тело. Стало быть, увеличивается количество недовольных самой властью. А.С. Пушкин поэтически разрешает важную проблему политической нау-

ки – доверия к власти – посредством метафор, схватывающих изменения состояний моря. Массы испытывают такое же «брожение» всякий раз, когда чувствуют на себе властный прессинг, лимит ненависти становится всё ближе и ближе. Безусловно, существующая ядерная сила готова пробудиться и выплеснуться при нарушении критического порога, что и происходит в сказке в тот момент, когда озвучивается последняя просьба старухи.

Абсурдность претензий старухи свидетельствует о качестве её инновационных запросов, вскрывающих низкую мораль власти. Императивы подобной власти вполне оправдают расширение собственного влияния при помощи любых средств, при этом, не ограничиваясь рамками необходимого/достаточного. Не правда ли декларации, заявляющие о своих правах на контроль над иной стихией, напоминают превозмогание права на контроль над собственной территорией – государством. Попытки претендовать на другую территорию, связывающиеся с огромными затратами для власти, объективно встречают на своём пути сопротивление, издерживающее экспансионистские устремления власти и разрушающими её. В данном смысле сложно представить, что действия

политических акторов, присутствующих в сказочной ситуации (старуха, старик, рыбка), носят согласованный, телеологический характер. С точки зрения Ю. Хабермаса, подобные отношения более холодны и взвешены, потому как «эгоцентрический подсчет собственной выгоды уравнивается подсчетом выгоды с противной стороны»⁹. Власть здесь не может избежать персонификации – происходит признание политической власти как явления «очеловеченного»¹⁰. Это раскрывается как в чрезмерных аппетитах власти, так и в её способности быть умеренной и склонной к компромиссу.

Увеличение присутствия в политическом дискурсе и накопление/пресыщение ресурсами на том или ином уровне власти постепенно издерживает из субъекта власти духовность. Материальное превалирует над духовным, в конце концов, вытесняя его. Это чревато раздражением другой стороны, потому как смещение материального баланса нарушает согласованность. Примером в реальной политике

можно привести сколько угодно. Взять хотя бы политические протесты зимы 2011 – 2012 года, которые были вызваны уличениями власти в фальсификациях выборов (читай, в наращивании властью собственного присутствия в политическом дискурсе). Среди всех участников политического процесса отмечается «сходство необходимости получать доступ к благам цивилизации и артикулировать запросы в политическую систему»¹¹. Перспективы бытия власти вряд ли возможны без гармонического равновесия, когда материальный мир сбалансирован с духовным. Дефицит какой-либо одной компоненты губителен для власти, для её жизненного цикла, потому как постепенно вызывает ненависть другой стороны. Поиск их рационального и оптимального сочетания способен обеспечить жизненный цикл власти значительно большим легитимационным потенциалом, нежели акцентирование чрезмерного внимания на развитии какой-то одной компоненты. В принципе, данная опасность существует даже в чрезмерном увлечении

9 Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2006. – С. 199.

10 Скиперских А.В. Персонифицированная легитимность // Свободная мысль. – 2005. – № 8. – С. 200.

11 Скиперских А.В. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 2-3. – С. 60.

развитием духовного крыла, в критических условиях вряд ли способного выступать авторитетным нарративом.

Заключение

Таким образом, легитимность, которую К. Ясперс однажды сравнит с кудесником, предоставляет правящему актору возможность осуществлять принуждение, ориентируясь на имеющийся у него в наличии огромный символический капитал. Не опирающийся на легитимность правитель, «испытывает страх перед народом, осуществляемое им насилие порождает насилие других, из страха он вынужден прибегать к всевозрастающему террору, а это, в свою очередь, ведёт к тому, что страх является преобладающим чувством в данном обществе. Легитимность подобна кудеснику, беспрестанно создающему необходимый порядок с помощью доверия»¹².

Дефицит легитимности компенсируется артикулированной ненавистью, способной поставить вопрос о справедливости претензий конкретного правящего актора на контроль над политическим дискурсом. Имен-

но так и произошло в проанализированной нами тексте А.С. Пушкина. Безусловно, иносказательный характер позволяет нам свидетельствовать о типичности схемы, следуя которой власть постепенно теряет доверие в обществе и распадается.

Справедливость политической формулы, выведенной К. Ясперсом, убедительно воспроизводится не только в сказочном тексте А.С. Пушкина, но и находит разрешение в других дискурсах. Необратимость распада власти в случае её пресыщения материальными ресурсами приобретает особую актуальность и в современном мире, служа недвусмысленным предостережением некоторым амбициозным политикам.

Библиография

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
2. Восленский М. Номенклатура. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.
3. Исаев И.А. *Politica Hermetica*: скрытые аспекты власти. – М.: Юрист, 2003. – 575 с.
4. Козлихин И.Ю. История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта. –

¹² Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – С. 172.

- СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 384 с.
5. Скиперских А.В. Дискурс политической власти в сказочном тексте: приглашение к медленному чтению. – Елец: МУП Типография Ельца, 2011. – 211 с.
  6. Скиперских А.В. Персонифицированная легитимность // Свободная мысль. – 2005. – № 8. – С. 191-204.
  7. Скиперских А.В. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 2-3. – С. 58-69.
  8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2006. – 380 с.
  9. Черникова В.В. Проблема определения направлений и приоритетов государственной социальной политики на региональном уровне // Вестник ВГУ. Серия: История. Социология. Политология. – 2012. – № 1. – С. 188-191.
  10. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
  11. Simmons A.J. Justification And Legitimacy. Essays On Rights And Obligations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 276 p.

Political power cycle: from legitimacy to hatred (on the example of "The Tale of the Fisherman and the Fish" by A.S. Pushkin)

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich

Full Doctor of Political Sciences,
professor of the department of civil disciplines,
Lipetsk Institute of Law and Economics,
P.O. Box 398002, Gagarina str., No. 35A, Lipetsk, Russia;
e-mail: pisatels@mail.ru

Abstract

Legitimacy of power is directly linked to its ability to accumulate physical capital with a purpose of its subsequent distribution. The question of distribution,

its fairness and proportionality, is just one of the key indicators of managerial abilities of the authorities. Specifically from this depends the duration of political cycle of the ruling elite, as well as the degree of dissent. The power finds itself in the state of dynamics: on the one hand, the presence of popular measures can provide its legitimacy, on the other hand, unpopular measures immediately destroy the power evoking the mechanisms of delegitimation.

Using the method of political hermeneutics, by means of the text "The Fisherman and the Fish" by A.S. Pushkin, the author comes to the conclusion that the increase of claims of the authorities is gradually leading to the destruction of its support, which ultimately turns into a loss of its legitimacy. Extrapolation of this plot to the real political discourse also can be provided a huge number of examples where trust in government has been lost due to excessive concentration of the capital in the ruling elite.

The possibility of delegitimation and transformation of legitimacy to hatred once again highlights the issue of measures – necessary and sufficient. The increase of presence in the political discourse and the accumulation/satiety of resources at a particular level of power gradually loses the spirit of the subject of authority, that instantly updates the justice of claims of the authorities to control the political discourse.

Keywords

Power, state, delegitimation, discourse, legitimation, legitimacy, text, elite.

References

1. Baudrillard, J. (2000), *Symbolic Exchange and Death* [*Simvolicheskii obmen i smert'*], Dobrosvet, Moscow, 387 p.
2. Chernikova, V.V. (2012), "The problem of determining the directions and priorities of the state social policy at the regional level" ["Problema opredeleniya napravlenii i prioritetrov gosudarstvennoi sotsial'noi politiki na regional'nom urovne"], *Vestnik VGU. Seriya: Istorija. Sotsiologiya. Politologiya*, No. 1, pp. 188-191.
3. Habermas, J. (2006), *Moral consciousness and communicative action* [*Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie*], Nauka, St. Petersburg, 380 p.

4. Isaev, I.A. (2003), *Politica Hermetica: hidden aspects of power* [*Politica Hermetica: skrytye aspekty vlasti*], Yurist", Moscow, 575 p.
5. Jaspers, K. (1991), *Meaning and purpose of the history* [*Smysl i naznachenie istorii*], Politizdat, Moscow, 527 p.
6. Kozlikhin, I.Yu. (2002), *History of political and legal doctrines. New time: from Machiavelli to Kant* [*Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Novoe vremya: ot Makiavelli do Kanta*], Yuridicheskii tsentr Press, St. Petersburg, 384 p.
7. Simmons, A.J. (2001), *Justification And Legitimacy. Essays On Rights And Obligations*, Cambridge University Press, Cambridge, 276 p.
8. Skiperskikh, A.V. (2005), "Personalized legitimacy" ["Personifitsirovannaya legitimnost"], *Svobodnaya mysl'*, No. 8, pp. 191-204.
9. Skiperskikh, A.V. (2011), *Discourse of political power in a fabulous text: uninvitation to slow reading* [*Diskurs politicheskoi vlasti v skazochnom tekste: priglashenie k medlennomu chteniyu*], MUP Tipografiya El'tsa, Yelets, 211 p.
10. Skiperskikh, A.V. (2012), "Specifics of a provincial political protest in modern Russia (on an example of the city of Yelets, Lipetsk region)" ["Spetsifika provintsial'nogo politicheskogo protesta v sovremennoi Rossii (na primere goroda El'tsa Lipetskoi oblasti)"], *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy (Theories and Problems of Political Studies)*, No. 2-3, pp. 58-69.
11. Voslenskii, M. (2005), *Nomenclature* [*Nomenklatura*], Zakharov, Moscow, 640 p.